

АПОЛОГИЯ ЧЕБУРАШКИ

Константин Звездочетов и группа «Мухомор» в галереях «Дар»

и «Москоу Файн Арт» *Независимая газета. - 1998. - 29 сент. - с. 7*

Михаил Сидлин

«О» И! КТО ЭТО такой — маленький и грязненький? — с шепотом восторга спросила меня подруга на вернисаже в галерее «Дар». — «Костя Звездочетов!» — «А-а, я его себе таким и представляла». В «Даре» открылась выставка памяти «Мухомора»: арт- и рок-группы конца 70-х. 20 лет назад, в сентябре, они отправились в Ясную Поляну, чтобы встретить там 150-летие Льва Николаевича Толстого. Но по дороге что-то такое случилось, и до Ясной Поляны они, кажется, так и не добрались.

Косте Звездочетову 22 сентября стукнуло 40. Он — последний из могокан советской богемы: с лицом спившегося ребенка и манерами капризного пионера — человек, навсегда застывший в 70-х. Именно это обусловило его несомненный успех. Если подсчитать число его проектов, окажется: Костя давно перешагнул любого из своих сверстников. Выставок, в которых он участвовал, были сотни... Вплоть до Венецианской биеннале и кассельской Документы. Как и когда он работает — непонятно: Костя всегда в тусовке, и всегда в тусовке идут разговоры о том, что «Костя уже исписался», или «Костя уже спился», или «Костя уже не работает: за него это делают негры». На своих выставках он обычно появляется в день перед вернисажем — прямо из воздуха: быстро делает всю работу, умело тьюкая молотком и тыкая кистью, и при этом еще успевает бескорыстно помочь другим (если проект групповой). В галерее «Москоу Файн Арт» открылась новая выставка Звездочетова — «Институт питания, или Зоосад».

Пять очень молодых людей — Свен Гундлах, Константин Звездочетов, Алексис Каменский, Владимир и Сергей Мироненко — собрались в один кулак с названием «Мухомор». Они провели несколько перформансов и записали «Золотой диск» — первый пример настоящего анти(про)советского панк-речитатива. Благодаря бдительному глазу и большому уху партии их подрывная работа в искусстве и музыке была пресечена. А «Мухомор» вошел в хит-парад ВИА, «в творчестве которых допускается искажение отображения советской действительности, пропагандируются чуждые нашему обществу идеалы и интересы», на почетном четвертом месте из списка в 38 российских рок-групп, проигрывание магнитофонных записей которых в столице было запрещено Постановлением управления культуры г. Москвы от 28 сентября 1984 г. При входе в «Дар» висит фотография «Мухоморов» с надписью: «Первое фото. 24 марта 1978 года». В 78-м они еще не были социально опасны.

«Случай в котельной» (1979) — перформанс, в ходе которого наглые денди злобно метелили одинокого труженика прямо на заводе. Так был реализован идеальный советский сценарий «хулиганства»: налицо гады в узких брюках и замордованный пролетарий. С другой стороны, «Случай в котельной» — акт психотерапии и жест сопротивления, ведь в реальности был актуален противоположный сценарий: толпа рабочей молодежи бьет модника. Этот разрыв — один из основных источников «московского концептуализма». Для Ильи Кабакова важен был конфликт между «коммуналкой» и

из такого материала, который не может не вызвать симпатии. «Плюшевый социализм» — идеология интеллигента 70-х: при советской власти все хорошо, но хорошо бы, чтоб было помягче. Звездочетов — очень советский художник: про пограничников, про башни Кремля, но — тепло и с любовью. «Институт питания» — само это название напоминает о культуре НИИ — основном месте работы ИТР. А работы посвящены экзотическим зверушкам.

Звездочетов — московский Чебурашка. Искренний идеалист с неумной фантазией, выходец из теплой страны («турецкая кровь»

Константин Звездочетов. Альков Саломеи. 1990. XIX Международная выставка Аперто, Венецианское биеннале.

«голосом из репродуктора». «Мухоморы», как Кабаков, заимствовали советский язык и устанавливали критическую дистанцию к нему одновременно. Их творчество сделало интеллигентское «двоемыслие» 70-х эстетическим фактом.

«Мухомор» не добился успеха. Их малочисленные работы почти не попали в музеи. Их музыка известна лишь узкому кругу историков русского рока. Фотографии их перформансов плохи по качеству и интересны лишь узким специалистам. Но «Мухомор» породил Звездочетова — художника, который превратил апологию неудачи в удачный арт-проект. Корявость кисти и наивность мысли — то, с чем «нормальный» художник стал бы бороться и победил бы, — за счет художественного результата. Звездочетов сделал «минусы» «плюсами»: он их признал, отнесся с иронией. И превратил в стиль.

Чебурашка — зверь до мозга костей советский (вспомним его субботник) и в то же время плюшевый: то есть зверь, сделанный

— одна из легенд о Косте). Нет грани между серьезностью и иронией, жизнью и игрой, неразделимы сам художник и то, что он создал. А «легенда о Звездочетове» летит по свету едва ли не быстрее, чем он сам. На станции Дно в вагон села провинциальная девушка, едушая до Бологого. «А-а, я знаю одного художника, москвича — Костя Звездочетов!», — сказала она. И москвичи-художники, сидевшие в купе, были сражены наповал.

Часто его идеи кажутся бредом: к примеру, путешествие в Африку. Проходит пара месяцев, и скептики посрамлены: в их руках — каталог, а внутри — фотографии, из которых ясно, что в Африке, во-первых, есть современное искусство (в его европейском смысле), во-вторых, Костя туда доехал, и, в-третьих, там он сажал — что может быть нелепей? — картошку.

Современные художники, добившиеся успеха, скучны как смертный грех. Они занудны, туповаты, настырны. Они не верят ни во что: ни в Бога, как класси-

ки, ни в революцию, как авангардисты. Только в деньги и только в успех. Костя может с равной силой рвать на себе рубашку, защищая Че Гевару или христианство. Распятый шут над грудой яблок — его работа для Урюпинского музея. Вот тот Спас, которому он подражает. А его троича — Трус, Балбес, Бывалый (герои мозаики для «Риджин»).

Звездочетов — очень русский художник. Трудный подвиг эстетического юродства и очищающего кощунства, который он взвалил на свои хрупкие плечи, — роль, существующая лишь в русской культуре. Татлин работал в Париже слепым украинским бандуристом, чтобы выведать все секреты формы у тамошних мастеров. Целый мир вертелся вокруг алкоголика и психопата Зверева. Звездочетов — экспортный вариант русской души. Все ее недостатки и достоинства представлены в нем в их концентрированной форме: он может быть разнужданно хвастлив, как Ноздрев, и открыто великодушен, как Мышкин. И всегда в центре внимания: весь — в работе на публику. Жизненный артистизм — то свойство, которое сделало Звездочетова пожизненным всеобщим любимцем.

Случайная компания волосатых в потертых джинсах, беременная женщина, два ешиботника и приبلудный американец Тод Блудо — вот типичная аудитория «Мухомора» в те годы: конец 70-х — начало 80-х. 20 лет назад «Мухомор» собрал вместе «маленьких и грязненьких» с «большими и пижонистыми». Хиппанов со стилягами: так говорят фотографы. Все они были против советской системы. И все они находили свою нишу внутри нее. «Флуксус» — интернациональная группа молодых людей, которые занимались теми же проблемами, что «Мухоморы». Они выглядели также асоциально и были такими же врагами буржуазной системы. Сегодня «Флуксусы» — герои десятков монографий и сотен выставок. И они все еще ездят по миру со своими перформансами: седоватые дяди и полноватые тети старше среднего возраста в силах бегать по сцене и демонстрировать артистическое поведение. Эти живые скульптуры 60-х трогательны. Советский перформанс 70-х не создал себе бронзового памятника. Но свидетельством его витальной силы до сих пор остается жизнь Константина Звездочетова: вся — тотальный перформанс.

На полу галереи «Дар» валяется «Маленький чемадан с изделиями группы «Мухомор». Чемадан — пуст. А творчество «Мухомора» — архив: факт советской истории, который выглядит так актуально, как свежий проект возможного будущего. И Звездочетов — последний партизан 70-х — все еще впереди.